

УДК 82-3

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-128-134

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ТЕКСТ В ПРОЗЕ М. АГЕЕВА

Летаева Н.В.

Московский государственный институт международных отношений (Университета)
МИД России (Одинцовский филиал)
143005, г. Одинцово, Московская обл., ул. Ново-Спортивная, д. 3,
Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен новый материал по актуальной проблеме творческого диалога писателей русского зарубежья и русских классиков XIX в. В научный оборот вводится исследование лермонтовского дискурса в творчестве М. Агеева, прозаика младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции. Основное содержание исследования составляет анализ архитектоники и мотивно-тематического комплекса текстов М. Агеева и М. Лермонтова. Делается вывод о том, что лермонтовский текст позволяет М. Агееву сформировать надтекстовое повествование о диалоге поколений первой трети XIX и XX в.

Ключевые слова: русское зарубежье, проза, младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции, М. Агеев, М. Лермонтов.

LERMONTOV'S DISCOURSE IN PROSE OF M. AGEYEV

N. Letaeva

MGIMO University (Odintsovo Branch)
3 Novo-Sportivnaya st., Odintsovo, 143005, Moscow region, Russian Federation

Abstract. The article presents a new material on the actual problem of the creative dialogue between the writers of Russian Diaspora and the Russian literary classics of the 19th century. The research focuses on Lermontov's discourse in prose of M. Ageyev, the writer of the younger generation of the Russian writers of the first wave of emigration, is introduced into scientific circulation. The main content of the issue represents the analysis of architectonics, themes, motifs of Ageyev's and Lermontov's texts. It's concluded that the Lermontov's discourse allows M. Ageyev to form an extra-textual narrative about the dialogue of generations of the first third of the 19th and 20th centuries.

Key words: Russian Diaspora, prose, younger generation of the Russian writers of the first wave of emigration, M. Ageyev, M. Lermontov.

Изучение прозы русского зарубежья является одним из актуальных и перспективных направлений современного литературоведения. В рамках этого направления особого внимания требует творчество младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции, большая часть которых остаётся на

периферии научных интересов. В русском зарубежье это поколение, вырабатывая «механизмы самосохранения» [10, с. 13], ориентируется на ранее существующие тексты, переосмысливает литературные схемы, жанры, сюжеты и пр., совершая «совместное открытие, касательное метафизики “тёмной русской личности”» [5, с. 205]. В данной работе представлен новый материал по актуальной проблеме творческого диалога младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции и русских классиков XIX в. В научный оборот вводится исследование лермонтовского дискурса в творчестве М. Агеева. Основное содержание исследования составляет анализ архитектоники и мотивно-тематического комплекса текстов М. Агеева и М. Лермонтова.

В прозе М. Агеева, культуроцентристской по своей сути, явственны творческие диалоги с классиками и современниками, особое место среди которых занимает М. Лермонтов. Сложившаяся в русском зарубежье оппозиция «Лермонтов – Пушкин» [4] демонстрирует преимущество «Лермонтовского времени» [7, с. 310], внимание к «истории души человеческой». В «Романе с кокаином», имеющем первоначальное заглавие «Повесть с кокаином» и под таким заглавием опубликованном в 1934 г. в журнале «Числа», М. Агеев представляет «историю души» «героя» своего времени – начала XX в. Заглавие, претерпев изменение, раскрывает не только суть отношения главного героя Вадима Масленникова к распространявшемуся в XX в. наркотику, но и жанровую модификацию, подчёркивающую преемственность с романной литератур-

ной традицией. Примечательно, что в «Числах» М. Агеев опубликовал только первую часть романа как отдельную новеллу, как в своё время поступил М. Лермонтов, публикуя «Героя нашего времени» частями в «Отечественных записках».

Повествуя о Масленникове, оказавшемся, подобно лермонтовскому Печорину, «лишним», М. Агеев, углубляясь в сложные психологические процессы своего героя, избирает форму «рукописи», начинающуюся и заканчивающуюся фразой «Буркевиц отказал». Эта конструкция, уподобляясь риторической фигуре просаподосиса, выполняет в тексте своеобразную функцию зачина и эпилога и создаёт эффект замкнутого круга человеческого существования. «Рукопись» в романе М. Агеева играет ту же роль, что и в «Герое нашего времени»: автору важно раскрыть мировоззрение своего героя – представителя поколения, ставшего жертвой исторического времени и геополитических изменений (в повести обозначен период российской действительности с 1914 по январь 1919 г.). В романе М. Агеева сюжетность перемежается с пространственными монологами, посвящёнными кропотливому анализу чувств героев. Форма подобного рода произведений предопределяет самосознание персонажей доминантой художественного пространства, при этом так называемая вертикальная память (в этом отношении символичен сон-бред Масленникова, в котором он оказывается в боярских палатах) является отражением сложного, многоракурсного опыта главного героя.

Близость архитектоники «Романа с кокаином» «Герою нашего времени»

очевидна и в том, что роман М. Агеева включает четыре главы новеллистического характера: «Гимназия», «Соня», «Кокаин», «Мысли». В главу «Соня» включено письмо Сони Минц Масленникову, вполне сопоставимое с письмом Веры Печорину. Обращает на себя внимание близость размышлений Масленникова и Печорина о женщинах и сути взаимоотношений мужчины и женщины. Кроме того, как и в лермонтовском романе, о смерти главного героя мы узнаём от третьего лица (историю Масленникова завершает врач больницы). И как Печорин, Масленников мучительно борется с жизнью в поисках смерти, разочаровавшись в смысле человеческого существования и сосуществования.

Динамика повествования в романе М. Агеева, как и в романе М. Лермонтова, определяется, как было сказано выше, не только традиционным способом формирования сюжетных линий и приёмами сюжетостроительства, но и мыслительной работой главного героя, репрезентирующего мировосприятие «человека 30-х годов» (Ю. Терапиано) XX в., «в социальном смысле» находящегося «в пустоте, нигде и ни в каком времени», как бы выброшенного «из общего социального мира» и предоставленного себе [2, с. 164]. В такой ситуации интеллектуальная деятельность, рефлексия становятся средством преодоления дистанцированности в отношениях с людьми, адаптации к социальной среде, выхода за пределы одиночества, придавая повествованию М. Агеева (как в своё время и повествованию М. Лермонтова, а впрочем, и всему творчеству поэта) полемический тон и публицистический пафос, свойственный литературе русского

зарубежья. Дискуссия как составляющая часть поэтики романа М. Агеева эксплицирует именно те вопросы, которые волновали русского человека начала XX в. в России и продолжали волновать русского человека в эмиграции. Одним из главных вопросов остаётся лермонтовский вопрос «Неужели зло так привлекательно?..» [3, с. 538].

Рассуждая о «душе человеческой», М. Агеев, как и М. Лермонтов, пытается понять причины раздвоенности человеческого сознания, дивиантного поведения внешне вполне благополучного молодого человека, имеющего необходимые для жизни блага. Прибегая к развёрнутой метафоре, основанной на сопоставлении жизни с театром, а человека со зрителем, Вадим Масленников приходит к выводу, что в человеческой душе в целом и в его душе в частности «человечнейшие чувства словно ниточкой связаны» со «зверинными чувствами» и что «предельное напряжение» одних «влечёт и тянет за собою» другие, «подобно песочным часам» [1, с. 162] или качелям, которые, «получив толчок в сторону человечности», «подвергаются предрасположению откатнуться в сторону зверства» [1, с. 163], что в итоге демонстрирует «смутную, страшную природу» [1, с. 170] человеческих душ.

Теоретические размышления Масленникова о «душе человеческой» находят вполне практическое подтверждение в поступках самого героя. Шестнадцатилетний юноша в своих записках подробно излагает, как ненавидит свою мать именно потому, что жалеет её; как переживает два чувства, когда узнаёт, что у священника убит сын на войне: первое – «прижаться к батюшкиному лицу, поцеловать его и

нежно расплакаться»; второе – «рассказать всё и жестоко посмеяться» [1, с. 60–61]; как возвышенное отношение к Соне Минц, рождающее в душе Масленникова «рыдающую нежность», тем не менее не отвращает его от сквернословия и оскорбительных слов в адрес Сони. Подводя итог своим размышлениям, Вадим пишет: «Таковы были мои отношения к людям, такова была эта раздвоенность, – с одной стороны, влюблённое желание обнять весь мир, осчастливить людей и любить их, – с другой бессовестная трата трудовых грошей старого человека (няньки Вадима, отдавшей ему все свои сбережения. – Н. Л.) и безмерная жестокость к матери. И особенно странным здесь было то, что и бессовестность эта и жестокость нисколько не противоречили этим моим влюблённым позывам обнимать и любить весь живой мир – как будто усиление во мне, столь необычных для меня, добрых чувств – в то же время помогало совершать мне жестокости, к которым (отсутствуй во мне эти добрые чувства) – я не счёл бы себя способным» [1, с. 89–90]. «Мысли» Масленникова можно определить как своеобразный диалог с размышлениями лермонтовских героев о зле и противоречивости человеческой природы, ищущей выходы за пределы собственного «я» и вторгающейся в жизни других людей. Эти «мысли», как своеобразный ответ на вопрос «Неужели ... моё единственное назначение на земле – разрушать чужие надежды?» [3, с. 546], убеждают, что причины «болезни», на которую указал М. Лермонтов в предисловии к «Герою нашего времени», следует искать внутри, а не вне, как это пытается делать Печорин, во многом, как ви-

дится, играя роль, чтобы доказать, что «человек не может быть так дурен» [3, с. 456]. М. Агеев, создавая образ Масленникова как «портрет, составленный из пороков» поколения «в полном их развитии» [3, с. 456], отвергает роль внешнего влияния на формирование личности. И в этом отношении концептуально авторское обращение к образу окна, символизирующего потребность нахождения в ином измерении: в «Герое нашего времени» Печорин из любопытства подкрадывается к окну и заглядывает в него извне [3, с. 555, 559], в то время как в романе М. Агеева Масленников от тоски смотрит из окна своей «комнатёнки» на стену соседнего дома, во двор или на небо [1, с. 115–116].

Нравственное падение, представленное в своё время М. Лермонтовым, как основная тема возвращается на страницы романа М. Агеева. Авторские интенции представлены в ответе Василия Буркевица на уроке истории, доказывающего, что отличия между столетиями нет, потому что не существует отличия между людьми жившими и живущими, и что «именно отсутствием-то отличия и объясняется поразительное сходство человеческих взаимоотношений» [1, с. 34], когда «жить человеку глупому легче, чем умному, хитрому лучше, чем честному, жадному вольготней, чем доброму, жестокому милее, чем слабому, властному роскошней, чем смиренному, лживому сытнее, чем праведнику, и сластолюбцу слаще, чем постнику» [1, с. 36]. Очевидна риторика печоринских монологов, как, впрочем, и позиция автора, солидарного с призывом М. Лермонтова: «Довольно людей кормили сластями; у них от этого испор-

тился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины» [3, с. 456]. Но, как и русский классик, М. Агеев избегает роли исправителя «людских пороков» [3, с. 456].

По сути, М. Агеев в романе отвечает на лермонтовский вопрос о зле сквозь призму своего времени, при этом на первый план выходит мир, где постоянно ведётся борьба «за человеческий дух», которую Г. Федотов назвал борьбой «между Буддой и Христом, между нирваной и вечной жизнью» [9, с. 143]. В этой борьбе «принцип зла неуловим» [6, с. 233], а потому человек, как показывают М. Лермонтов и М. Агеев, обречён на отверженность, «неудачность», «лишность» и, как следствие, исчезновение. Фатализм мироощущения очевиден в текстах М. Лермонтова и М. Агеева. Печорин и Масленников, дополняя друг друга, раскрывают новые грани в понимании не только литературных образов, но и поколений разных веков, отражая духовную болезнь русского человека и общества, которую В. Перемилловский определил как «эстетический взгляд на жизнь, уводящий своего носителя как бы прочь от реального мира, в котором он физически пребывает, и обуславливающий поэтому его вневременное (в оценке же этого мира – безвременное) поведение, что, в свою очередь, влечёт за собой, как неизбежный результат, глухую неудовлетворённость с вечными переходами от крайности к крайности, от огромной энергии к полной апатии, скуке и отчаянию мысли» [8, с. 137–138]. «Эстетический взгляд на жизнь» проявляется в созерцании и самосозерцании, рассуждениях о себе и о мире, порождающих исповедальность, чувство отвержен-

ности и одиночества, состояние странничества. Как Печорин, наблюдающий за внешним миром и дающий ему оценку (например, описание «водяного» общества), оценивающий себя сам и со стороны, пребывающий в состоянии неукоренённости, так и Масленников размышляет о себе и окружающем (например, подробно описывает «гимназическое» общество), вступает в воображаемые диалоги, избирает оснóвой своей жизни маргинальность.

По сути, М. Агеев продолжил наблюдение тех процессов, которые развиваются в человеке под воздействием длительного одиночества, глубоко поражающего духовную жизнь человека, не способного адаптироваться к какой-либо социальной среде. «Лишний человек» XIX века трансформировался в эмигрантского «человека 30-х годов» XX века, актуализировав лермонтовский код и главнейшую проблему эпохи – утрату личностью цельности. Результатом «эстетического взгляда на жизнь» становится неминуемая сначала духовная, затем физическая смерть: умирает ищущий смерти лермонтовский Печорин; сознательно умирает от передозировки кокаином агеевский Масленников.

В имени Масленникова открывает-ся аллюзия на лермонтовского Вадима. Стилистика романа М. Агеева близка стилистике «Вадима» исповедальностью, интеллектуальной экспрессивностью монологов, поэтикой контрастов, глубокими психологическими коллизиями, отражающими духовную жизнь личности, отличающейся сложной сменой чувств и настроений, губительных для неё самой. Близость лермонтовского и агеевского героев заложена и в семантике антропозони-

ма, но если М. Лермонтов апеллирует и к внешней, и внутренней (ненависть, месть) уродливости своего героя, то М. Агеев акцентирует всё внимание на духовной деградации. На уровне архитектоники отметим сходные вкрапления драматического диалога: в «Вадиме» диалог двух «голосов», в романе М. Агеева – диалог Сони и Масленникова. Подобного рода вкрапления, как и представленная выше развёрнутая метафора уподобления М. Агеевым жизни театру, актуализируют прецедентную шекспировскую фразу («Весь мир – театр») из пьесы «Как вам это понравится» и расширяет художественное пространство текстов. Отметим, что М. Лермонтов изображает в «Вадиме» смутное время пугачёвщины, что вполне коррелируется со «смутным» пореволюционным време-

нем, эскизно отображённым в романе М. Агеевым.

Таким образом, ориентация на прецедентные тексты М. Лермонтова позволяет М. Агееву в рамках своего романа представить не только повествование о событиях, но и надтекстовое повествование о диалоге поколений, исследование которого важно для понимания мироощущения «человека 30-х годов», родившегося в дореволюционной России и сформировавшегося в условиях эмиграции. Лермонтовский код играет в прозе М. Агеева роль связующей нити с прошлым, в котором обнаруживаются причины настоящего. Кроме того, творчество М. Лермонтова для М. Агеева становится проекцией осмысления национальных основ русской личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев М. Роман с кокаином. Паршивый народ // Статья Никиты Струве. М.: Художественная литература, 1990. 222 с.
2. Варшавский В. О «герое» эмигрантской молодой литературы // Числа. 1932. № 6. С. 164–172.
3. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах / сост. и комм. И.С. Чистовой; ил. В.А. Носкова. М.: Правда, 1990. Том 2. 704 с.
4. Летаева Н.В. Опозиция «Пушкин – Лермонтов» на страницах журнала русского зарубежья «Числа» // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 1(84). С. 42–45.
5. Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. 1934. № 10. С. 204–209.
6. Поплавский Б.Ю. Неизданное: дневники, статьи, стихи, письма / сост. и коммент. А. Богословского и Е. Менегальдо. М.: Христианское издательство, 1996. 512 с.
7. Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. 1930. № 2/3. С. 308–311.
8. Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции / сост., авт. вступ. ст. и коммент. М.Д. Филин. М.: Русский Мир, 1999. 286 с.
9. Федотов Г.П. О смерти, культуре и «Числах» // Числа. 1930. № 4. С. 143–148.
10. Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века / науч. ред. В.А. Суханов. М.: Языки славянской культуры, 2008. 328 с.

REFERENCES

1. Ageev M. *Roman s kokainom. Parshivyi narod* [A novel with cocaine. The lousy people]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 222 p.

2. Varshavskii V. [About “hero” of the young émigré literature]. In: *Chisla* [Numbers], 1932, no. 6, pp. 164–172.
3. Lermontov M.Yu. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1990. Vol. 2. 704 p.
4. Letaeva N.V. [The opposition “Pushkin – Lermontov” in the journal of the Russian abroad “Chisla”]. In: *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University. Series: The humanities], 2015, no. 1(84), pp. 42–45.
5. Poplavskii B. [Around the “Chisla”]. In: *Chisla* [Numbers], 1934, no. 10, pp. 204–209.
6. Poplavskii B.Yu. *Neizdannoe: dnevniki, stat'i, stikhi, pis'ma* [Unreleased: diaries, articles, poems, letters]. Moscow, Christian Publishing House, 1996. 512 p.
7. Poplavskii B. [On the mystical atmosphere of young literature in exile]. In: *Chisla* [Numbers], 1930, no. 2/3, pp. 308–311.
8. Filin M.D., comp. *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov: Iz naslediya pervoi emigratsii* [A fatalist. Foreign Russia and Lermontov: from heritage of the first emigration]. Moscow, Russkii Mir Publ., 1999. 286 p.
9. Fedotov G.P. [About death, culture and “Chisla”]. In: *Chisla* [Numbers], 1930, no. 4, pp. 143–148.
10. Khatyamova M.A. *Formy literaturnoi samorefleksii v russkoi proze pervoi treti XX veka* [The forms of literary reflection in the Russian prose of the first third of the 20th century]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2008. 328 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Летаева Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики языкового образования, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (Одинцовский филиал);
e-mail: letaewa.n@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya V. Letaeva – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Pedagogics and Methods of Language Education, MGIMO University (Odintsovo Branch);
e-mail: letaewa.n@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Летаева Н.В. Лермонтовский текст в прозе М. Агеева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 128–134
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-128-134

FOR CITATION

Letaeva N.V. Lermontov's discourse in prose of M. Ageyev. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 128–134
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-128-134